

«Око за око, газ за газ»

Несостоявшаяся химатака фашистов на Беларусь: как это было

Во время Великой Отечественной войны немцы готовились применить на территории Беларуси химическое оружие.

Эта история, которую поведал мне заведующий отделом публикаций Национального архива Республики Беларусь кандидат исторических наук Святослав Кулинок, в каком-то смысле потрясла меня не меньше, чем история о попытках сокрытия следов геноцида, которую вытащил на свет Божий тот же Кулинок.

И в том и в другом случае потрясает бессовестность и трусость. Неприкрытое желание истребить как можно больше людей, парализуемое страхом перед Красной армией, ее справедливостью и мощью.

Собственно, химическое оружие применялось на нашей земле и германскими, и российскими войсками еще во время Первой мировой войны.

«Лето и осень 1916 г. на русском театре прошли в частых газобаллонных атаках с обеих сторон», – пишет Михаил Супотницкий в своей книге «Химическое оружие на фронтах Мировой войны 1914–1918 гг. Краткий исторический очерк».

17 июня германцы произвели газобаллонное нападение у Крево, затем 2 июля и в ночь с 1 на 2 августа

у Сморгони. 5–6 сентября там же, в районе Сморгони, первую газобаллонную атаку предприняли русские. 24 сентября и 28 ноября германцы атаковали в районе Барановичей. И это, конечно же, далеко не полный перечень боестолкновений того времени с применением химического оружия.

Газобаллонные атаки в ходе Нарочской военной операции были беспощадны. Военные аналитики констатировали, что от ядовитого облака спасал только противогаз. Те из солдат, кто пытался спастись бегством, погибали. Можно лишь представить себе участь мирных жителей, у которых противогазов не было, но армейское командование ни с той, ни с другой стороны подобными «мелочами» не озабочивалось.

Еще немного предыстории

Химическое оружие – изобретение отнюдь не новое.

«Идея открытия, разработки и производства химических отравляющих веществ зародилась и увенчалась „успехом“ еще в XVIII веке», – писал в своей статье в «Беларуской думцы» кандидат исторических наук, доцент Михаил Смольянинов.



Газовая атака германских войск. Солдаты 267-го пехотного Духовщинского полка Русской императорской армии в противогазах Зелинского. Кумманта, 1916 год

Хлор был получен в 1774 году шведским химиком Карлом Вильгельмом Шееле, а британский ученый Гемфри Дэви, облучив солнечным светом смесь хлора и окиси углерода, в 1812 году получил фосген (буквально с греческого – «светорожденный»). Десять лет спустя француз Сезар Депре синтезировал иприт, но это изобретение не получило широкой известности до тех пор, пока британец Фредерик Гутри не синтезировал его повторно в 1860 году.

«Идея открытия, разработки и производства химических отравляющих веществ зародилась и увенчалась „успехом“ еще в XVIII веке».

Тем не менее в XIX веке ядовитые газы в войнах не применялись.

«...Отсутствие достаточной материальной базы, соответствующей химической промышленности и, главное, средств и способов защиты собственных войск от пагубного действия ядовитых веществ не позволяло применить отравляющие химические вещества в качестве боевого оружия», – пишет по этому поводу Смольянинов.

И все же человечество предпочло себя обезопасить: в 1899 году была принята Гагская конвенция, статья 23 которой запрещает применение боеприпасов, единственным предназначением которых является отравление живой силы противника.

Как видим, эта конвенция не стоила даже той бумаги, на которой она подписана, тем более что запрещала применение лишь химических снарядов, но никак не баллонного газа.

Начиная с 1915 года, германцы как на восточном, так и на западном фронте широко используют хлор, производимый химическими компаниями BASF, «Хехст» и «Байер» в качестве побочного продукта получения красителей. По-видимому, этот газ использовался и в газобаллонных атаках на территории Беларуси.

А в 1917 году, сразу вслед за изобретением способа промышленного производства иприта (это «заслуга» немецких ученых Вильгельма Ломмеля и Вильгельма Штейнкопфа), Германия у бельгийского города Ипра обстреляла англо-французские войска минами, содержащими иприт, – отсюда и его название.

17 июня 1925 года был подписан так называемый Женевский протокол о запрещении применения на войне удушающих, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств. Германия и Италия были среди стран, подписавших его полностью и безоговорочно, США – с оговорками, ограничивающими применение положений протокола, СССР, Великобритания, Франция, Испания – с оговорками, которые были позднее отозваны.

Тем не менее все эти страны продолжали разработку химического оружия, а Италия даже применяла иприт в войне с Эфиопией 1935–1936 годов.

Велись такие работы и в Германии.

– Отметим тот факт, что в 1920-е годы возможность изучения и практического применения химического оружия Германией во многом была связана с СССР, – рассказывает Святослав Кулинок. – Наличие в Германии высокоразвитой химической промышленности, которая, по оценкам советского руководства, занимала ведущее положение не только в Европе, но и в мире, стремление Германии создать скрытно от Антанты базу вооружений, в том числе химических, и вооружить ими тогдашнего своего восточного союзника предопределили и здесь выбор основного партнера.

«...В 1920-е годы возможность изучения и практического применения химического оружия Германией во многом была связана с СССР...»

Случилось так, что мой дед – гвардии полковник Павел Андреевич Андреев – в межвоенные годы и во время Великой Отечественной войны вплотную занимался вопросами применения химического оружия и противохимической защиты.

Противогазовый футляр образца 1930 года и немецкий противогазовый фильтр FE41





Полковник Андреев на занятиях по химической защите

Мне неизвестны подробности его деятельности в 1930-х годах, но знаю по рассказу бабушки, что однажды она нашла дома пузырек с маслянистой жидкостью, открыла и испытала все «прелести» подобного контакта с ипритом: сильнейшее слезотечение, удушье и нагноение глаз.

Зато у меня имеются документальные подтверждения того, что с 4 апреля 1942 по 29 августа 1945 года мой дед занимал должность начальника химического отдела 26-й армии. При этом в списке подчиненных воинских частей и подразделений химического отдела нет, при том что химподразделения, безусловно, существовали.

В представлении П.А. Андреева к ордену Отечественной войны 2-й степени, датированном 28 октября 1943 года, записано, что он «имеет 25-летний стаж работы на командных должностях, из них 18 лет на химслужбе».

Нетрудно подсчитать, что химслужбу дед начал в 1925 году – именно тогда, когда был подписан Женевский протокол, ратифицированный СССР в 1928 году.

По официальным документам дед числился малограмотным крестьянином из Владимирской губернии. В действительности, как я узнала спустя много лет после его смерти, он окончил Петербургский университет с химико-медицинской специализацией, участвовал в Первой мировой и Гражданской

войнах, побывал в германском плену. Судя по семейным документам, с 1925 по 1928 год служил в Бобруйске, затем в Гжатске, в начале 1930-х годов проходил переподготовку в Военно-медицинской академии в Ленинграде, жил с семьей в Петропавловской крепости. Здесь и произошел несчастный случай с бабушкой (с ипритом). Позже семья переехала в Москву, дед трудился на каком-то загадочном заводе, а затем вновь влился в действующую армию. Служил сначала в Орле, затем в Воронеже. Он прекрасно знал немецкий язык и, вероятно, в межвоенные годы контактировал с германскими специалистами.

«Запретить применение химического и бактериологического оружия – запретили, а исследовать, производить и хранить – нет».

Все эти частные, почти домашние сведения можно рассматривать как подтверждение того, что работы по химоружию и химзащите в СССР действительно велись как минимум с середины 1920-х годов, и как наводку на новые адреса военно-химических разработок.

Святослав Кулинок особо подчеркивает, что все тогдашние работы по химзащите и по химоружию велись совместно с немцами и очень часто под непосредственным немецким руководством. Это касается и проекта «Берсоль», предполагавшего строительство химического завода при активном участии фирмы Х. Штольценберга, и химической школы «Томка», которая фактически представляла собой аэрохимический полигон.

Фрагмент наградного листа с подтверждением стажа работы в химзащите. 1943 год

НАГРАДНОЙ ЛИСТ	
1. Фамилия, имя и отчество <u>АНДРЕЕВ Павел Андреевич</u>	
2. Звание <u>Полковник</u> з. Должность, часть <u>Начальник химической службы 26 Армии.</u>	
Представляется к <u>ордену Отечественной войны второй степени.</u>	
4. Год рождения <u>1901</u>	5. Национальность <u>русский</u> Партийность <u>чл. ВКП/С/</u>
7. Участие в гражданской войне, последующих боевых действиях по защите СССР и отечественной войне (где, когда) <u>участник Гражданской войны, в Отечественной войне с августа 1941 года, на истреб.</u>	
8. Имеет ли ранения и контузы в отечественной войне	
9. С какого времени в Красной Армии <u>с 1918г.</u> 10. Каким РВК призван <u>кадровый.</u>	
11. Чем ранее награжден (за какие отличия) <u>не награждался.</u>	
12. Постоянный домашний адрес представляемого и награжденного и адрес его семьи	

**Вячаслаў ДАНИЛОВІЧ,
рэктар Акадэміі кіравання
пры Прэзідэнце
Рэспублікі Беларусь,
кандыдат гістарычных навук,
дацэнт:**



– Першае маё знаёмства з часопісам «Беларуская думка» адбылося ў студэнцкія гады, калі я навучаўся ў Беларускім дзяржаўным універсітэце імя Максіма Танка. Ужо ў той час выданне прыцягнула маю ўвагу цікавымі артыкуламі на актуальныя тэмы грамадска-палітычнага жыцця Беларусі. Сёння я ганаруся тым, што ўжо звыш дзесяці гадоў з’яўляюся падпісчыкам часопіса «Беларуская думка» і штомесяц атрымліваю свежы нумар. У кожным з іх я знаходжу для сябе цікавыя і пазнавальныя матэрыялы.

На мой погляд, сучасны часопіс «Беларуская думка» – рэдкі ўдалы прыклад якаснага сінтэтычнага часопіса, які спалучае грунтоўныя навуковыя артыкулы з шырокім дыяпазнам навукова-папулярных матэрыялаў, актуальных інтэрв’ю і круглых сталоў. Прыемна, што час ад часу на старонках «Беларускай думкі» з’яўляюцца і мае публікацыі.

– Договор о совместных аэрохимических испытаниях был заключен сторонами 21 августа 1926 года с целью «всесторонней и глубокой проработки интересующего их вопроса», – рассказывает Святослав Кулинок. – Техническое руководство опытами находилось в немецких руках, административное руководство – в советских. Первым руководителем «Томки» в 1928 году был полковник фон Зихерер, а после его смерти в 1929 году генерал Треппер.

Так называемая школа действовала вплоть до прихода к власти Гитлера.

По имеющимся сведениям, были полностью проведены исследовательские работы по вопросам защиты от отравляющих веществ и дегазации, проработаны новые методы ведения химической войны: распыление отравляющих веществ с воздуха, сбрасывание газовых бомб и контейнеров с отравляющими веществами с использованием ударного взрывателя или взрывателя с часовым механизмом. Полным ходом шла разработка новых отравляющих веществ.

– Запретить применение химического и бактериологического оружия – запретили, а исследовать, производить и хранить – нет, – с горечью констатирует Святослав Кулинок.

Химический кулак Гитлера

С приходом к власти национал-социалистов работы по химоружию в Германии интенсифицировались, но уже без участия СССР. Более того, именно СССР рассматривался как главная мишень возможных химических атак.

К тому времени иприт для немцев был вчерашним днем. Активно и успешно разрабатывались более токсичные химические вещества.

В 1938 году в Вуппертале два немецких ученых, пытавшихся получить новые пестициды для сельского хозяйства, создали мощнейшее нервно-паралитическое вещество – зарин. Его формула тут же была передана в отдел химического оружия вермахта, который сделал заказ на массовое производство зарина для военных нужд.

И это оружие было готово к применению.

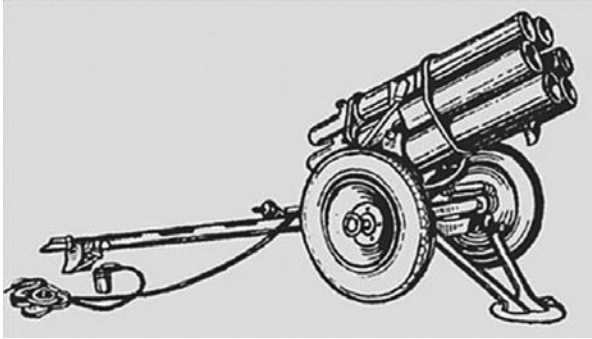
5 июля 1940 года начальник Генерального штаба сухопутных войск Франц Гальдер сделал первую запись в своем дневнике о подготовке к химической войне.

25 сентября того же года генерал-инспектор химических войск Окснер докладывал Гальдеру о том, что на вооружение вермахта поступили дымовые шашки с адамситом. Из той же дневниковой записи видно, что в Цоссене функционировала школа химических войск, а при каждой армии были химические училища.

24 декабря Гальдер писал в дневнике, что численность химических войск вермахта увеличилась в десять раз по сравнению с довоенной. При этом парки химмущества были подготовлены в Варшаве и Кракове, то есть на белорусском и украинском направлениях.

«В 1943 году годовая мощность немецких химических предприятий по производству различных отравляющих веществ составляла около 180 тысяч тонн».

И, наконец, за три месяца до нападения на СССР Гальдер излагает в дневнике подробный план: «К 1 июня мы будем иметь 2 млн. химических снарядов для легких полевых гаубиц и 500 тыс. снарядов для тяжелых полевых гаубиц... Со складов химических боеприпасов может быть отгружено: до 1 июня по шесть эшелонов химических припасов, а после 1 июня – по десять. Для ускорения



Немецкий 6-ствольный миномет «Небельвефер», предназначенный для применения химических боеприпасов

подвоза в тылу каждой группы армий будет поставлено на запасные пути по три эшелона с химическими боеприпасами...»

По сведениям, которые приводит в своей книге «Сухопутная армия Германии 1933–1945» военный эксперт и бывший генерал вермахта Б. Мюллер-Гиллебрандт, к началу войны с Советским Союзом в резерве Генерального штаба сухопутных войск (ОКН) насчитывалось четыре полка химических минометов, семь отдельных батальонов химических минометов, пять дегазационных отрядов и три дорожно-дегазационных отряда, вооруженных реактивными метательными установками *Schweres Wurfgerät 40 (Holz)*. Кроме того, имелось четыре штаба химических полков особого назначения.

Причем, как указывает Мюллер-Гиллебрандт, эти химические силы были сосредоточены по всей линии предполагаемого фронта: один полк и два батальона химических минометов были в составе группы армий «Север», два полка и четыре батальона – группы армий «Центр», два полка и один батальон – группы армий «Юг».

– В 1943 году годовая мощность немецких химических предприятий по производству различных отравляющих веществ составляла около 180 тысяч тонн, то есть в полтора раза больше, чем было израсходовано всеми воевавшими странами за годы Первой мировой войны, – рассказывает Святослав Кулинок.

Американцы пытались разрушить немецкую гегемонию на химические вооружения, но транспорт «Джон Харви», перевозивший бомбы с ипритом, в декабре 1943 года был разбомблен немецкой авиацией. От утечки старомодного иприта пострадало множество моряков и мирных жителей.

Этот эпизод лишь показал всему миру, что гонку химических вооружений – по крайней мере, среди западных стран – с разгромным счетом выигрывает Германия.



Советский химический миномет «40» в боевом положении

Дальше – больше. В 1944 году в Германии был синтезирован зоман – самое токсичное отравляющее вещество Второй мировой войны.

И всю эту токсическую мощь могли направить против нашего народа.

Под угрозой химического удара

Уже 22 июля 1941 года газета «Правда» сообщала, что германский фашизм готовит новое чудовищное злодеяние – широкое применение отравляющих веществ.

Эти данные подтверждаются фрагментами личной секретной переписки премьер-министра Великобритании У. Черчилля с И.В. Сталиным.

21 марта 1942 года Черчилль писал: «...Посол Майский был у меня на завтраке на прошлой неделе и упоминал... что... немцы... могут использовать газы против Вашей страны... я хочу заверить Вас в том, что Правительство Его Величества будет рассматривать всякое использование ядовитых газов как оружие против России точно так же, как если бы это оружие было направлено против нас самих. Я создал колоссальные запасы газовых бомб для сбрасывания с самолетов, и мы не преминем использовать эти бомбы для сбрасывания на все подходящие объекты в Западной Германии, начиная с того момента, когда Ваши армии и народ подвергнутся нападению подобными средствами».

Очевидно, что оба политика рассматривали сценарий химической войны как вполне реальный.

Ситуация особенно обострилась к весне 1943 года.

19 апреля 1943 года У. Черчилль в секретном послании сообщил И.В. Сталину, что до английского командования

«доходят слухи о намерении немцев применить газы на русском фронте...».

В такой ситуации территория оккупированной Беларуси могла стать ареной химической атаки.

Кроме того, для советского командования было очевидно, что основные склады с химическими и отравляющими веществами должны располагаться в тылу немецких войск, то есть, опять-таки, в Беларуси.

Поэтому перед разведкой партизан и действовавшими в тылу спецгруппами советских органов госбезопасности была поставлена задача получить как можно больше данных о дислокации таких складов, о хранящихся на них химических боеприпасах и вообще о химической активности немцев на территории Беларуси.

Эти данные есть, они хранятся в фонде Белорусского штаба партизанского движения (БШПД) в Национальном архиве Республики Беларусь.

«Вся поступившая информация анализировалась секретным и разведывательным отделом, на основании проверенных данных составлялись разведывательные сводки, которые рассылались во все руководящие партийные и военные органы страны».

– Данные по химической разведке представлены в основном в разведсводках и радиограммах партизанских бригад и отрядов, которые они направляли в Белорусский штаб партизанского движения, – рассказывает Святослав Кулинок. – Вся поступившая информация анализировалась секретным и разведывательным отделом, на основании проверенных данных составлялись разведывательные сводки, которые рассылались во все руководящие партийные и военные органы страны.

Поначалу информация о химоружии поступала лишь sporadически, но со временем партизанское руководство стало уделять ей все больше и больше внимания. А, возможно, и активность немцев в этом направлении стала возрастать.

Кулинок подчеркивает, что разведсводки БШПД составлялись в нескольких экземплярах (от 7 до 12) и направлялись в руководящие военные и партийные органы: Главное разведывательное управление, Центральный штаб партизанского движения, ЦК КП(б)Б, Наркомат государственной безопасности БССР, оперативные отделы фронтов и др. С ними знакомились Г. Жуков, А. Василевский, П. Пономаренко, Л. Цанава.

– Это уже само по себе практически исключает возможность отправки неточных или непроверенных сведений для высшего руководства, – убежден ученый.

О чем же сообщали в своих сводках белорусские партизаны?

Из сводки от 13 февраля 1943 года:

«...партизанами отряда Веселова 17 ноября 1942 года был подорван железнодорожный эшелон, следовавший из Боркович на Полоцк. При расчистке пути местное население к работе не привлекалось. Работы в течение двух дней производились солдатами в противогазах. Видимо в составе эшелона были вагоны с ОВ [отравляющее вещество. – Авт.]».

Из сводки от 22 февраля 1943 года:

«...захваченный партизанами группы Козлова в плен немец показал, что в частях войск противника с середины января усилились занятия по изучению новых типов противогаза. Стародорожское гестапо работает по выявлению лиц, могущих оказать первую помощь при химических попаданиях».

Из сводки от 3 мая 1943 года:

«...по данным разведки бригады „Железняк“ от 26 апреля, все воинские части, расположенные в Минске, ежедневно тренируются в противогазах. В начале февраля из Минска на 300 автомашинах в военных городок Борисова доставлено 2000 баллонов с ОВ (хлор и иприт). Вместе с баллонами в машинах находились газораспылители. По тем же данным, на одном из складов в Минске находится около 5000 шашек, на этикетках которых имеется надпись „Смертельно – яд“».

Из сводки от 12 мая 1943 года:

«...по данным разведки партизанских отрядов Барановичской области от 8 мая, на станции Красное 29 и 30 апреля проводилась выгрузка противохимического имущества: противогазов, людских и конских чулок и защитных накидок».

– Необходимо отметить, – уточняет Святослав Кулинок, – что уже в конце 1942 года советскими чекистами, действовавшими в тылу, было установлено, что в Красном были построены большие хранилища, а сам населенный пункт был тщательно укреплен, в том числе и противодесантными средствами.

В какой-то момент стали поступать сведения, что с мая 1943 года все немецкие гарнизоны севернее Полоцка усиленно занимаются химподготовкой. К обучению также стали привлекать части «власовцев», которые обучались по 2–3 часа.

Из сводки от 9 июня 1943 года:

«...по данным агентурной разведки бригады т. Романа, от 23 мая немцы последнее время усиленно изучают химическое дело. Все занятия солдат в Зеленом городке (4 км сев. Полоцка) проходят в противогазах. Ежедневно в противогазах работают по 30 минут».

Химическая активность вокруг Полоцка продолжилась и осенью 1943 года. В сентябре на станцию Боровуха-1 с запада прибыло три эшелона с ОВ в баллонах и авиабомбах, наполненных ОВ. Часть ОВ выгружено в Боровухе-1, а большая часть была направлена в район расположения артиллерийских складов, расположенных около Полоцка.

Из сводки от 16 июня 1943 года:

«...по данным разведки т. Кожара от 10 июня, по железной дороге Жлобин – Гомель следуют эшелоны с ОВ. Во взорванном партизанами эшелоне оказался порошок желтоватого цвета. ОВ действует на глаза и разъедает кожу при попадании на тело. Взорванный эшелон немцы разбирали в противогазах... По данным разведки т. Лунина, 8 июня через Красное на восток проследовал эшелон № 167345 с 38 газовыми баллонами».

Из сводки от 18 июня 1943 года:

«...по данным разведки т. Клещева, 9 июня через Лунинец на восток прошел эшелон с газобаллонами, замаскированными сеном и соломой. По данным разведки т. Жунина от 14 июня, в районе Борисов – Орша отмечается усиленная переброска грузов в стороны фронта. На машинах изображен желтый лев. Предположительно на них перевозят ОВ. В гарнизоне г. Орши тактические занятия проводятся в противогазах, практикуются переходы в противогазах до 25 км».

Офицеры химической службы Ленинградского фронта осматривают трофейные химические минометы капитулировавшей Курляндской группировки противника. Май 1945 года



Из сводки от 25 июня 1943 года:

«...по сообщению разведки т. Мельникова от 15 июня, на основании достоверных данных, высшее немецкое командование в гарнизонах приказало приготовить газобезопасища и тренировать солдат в противогазах. По сообщению т. Сукачева от 19 июня, поезда, идущие с химическими средствами в сторону фронта до ст. Мосты, имеют знак «П». По докладу т. Бандадыжа от 19 июня, пленный немецкий солдат 76-го пехотного полка 20-й пехотной дивизии сообщил, что в феврале месяце по немецкой армии был издан приказ с приведением в порядок и содержанием противогазов. Обязали солдат всегда иметь противогазы при себе. Проводятся тренировки в противогазах во время занятий, работы и переходов. В воинские части завезены противохимические костюмы. Население Германии и немецкая армия проходят окуривание в газокамерах. В немецких частях проводятся кратковременные курсы унтер-офицеров специально по вопросам химзащиты».

Из сводки от 7 июля 1943 года:

«...по данным агентуры отряда Клещева от 28 июня немцы приспособили Пинскую спичечную фабрику для выработки ОВ».

«Во взорванном партизанами эшелоне оказался порошок желтоватого цвета».

Из сводки от 10 июля 1943 года:

«...командир бригады т. Селцкий 4 июля сообщает, что по показанию перешедшего к партизанам унтер-офицера 531-го полевого госпиталя, германские войска усиленно занимаются противохимической подготовкой, совершая в противогазах марши по 15–20 км. На военных складах г. Орши он видел химические бомбы и ОВ».

А обер-лейтенант Вилли Шульц, являвшийся руководителем газовой защиты города Минска и перешедший в июле 1943 года на сторону партизан, поведал партизанскому командованию об авиационном соединении «Москва», которое, по его словам, «ведет планомерную подготовку личного состава к химической войне и защите». Шульц сообщил, что эта авиационная часть, обслуживающая радиус Невель – фронт – Гомель – Барановичи, располагает авиабазой и двумя аэродромами в Смоленске и одним в Орше, а также несколькими более мелкими площадками. Как сообщил перебежчик, «за последнее время проводится систематическая проверка

противогазов, одежды и лазантиновых таблеток... ощущаются трудности в обеспечении кадрами обучающихся вопросам химической войны... В Минске открыты курсы и лаборатории по определению газов».

По словам Шульца, Минск был разделен на 16 защитных зон, в каждой из которых имелся отряд газовой разведки – один офицер и восемь солдат. Он также рассказал о самолетах, оборудованных баками-распылителями, и о командах люфтваффе «Киев» и «Позен».

Тревожными были и сентябрьские сводки:

«...по данным разведки бригады т. Андреева от 27 августа, в последнее время немецкой армии выданы химпакеты и противогазы. В г. Минск завезен газ «Желтый крест». Немцы говорят: „Наш противник не имеет от него защиты...“, а в местечке Козырево (3 км южнее Минска) в помещении бывшей казармы имеется лаборатория по производству ОВ».

Цифры впечатляют. За один только 1943 год Белорусским штабом партизанского движения было составлено 85 разведсводок, и в 18 из них (15 %) содержатся данные о подготовке немецкой армии к применению химического оружия.

Активность немецких подготовительных работ не уменьшилась и в первом полугодии 1944 года, когда военные действия шли непосредственно на территории БССР. Из 57 разведсводок БШПД за этот период в восьми (14 %) есть сведения, касающиеся химического вооружения противника. В конце июня 1944 года разведотдел БШПД составил и разослал во все заинтересованные инстанции карту 15 химических складов немцев на оккупированной территории Беларуси.

Химический геноцид

Угроза химических атак не была лишь теоретической. За годы оккупации химическое оружие несколько раз применялось против мирного населения оккупированной Беларуси. Конечно, это единичные случаи, и масштабы причиненного вреда были относительно невелики.

Так, по сведениям Святослава Кулинка, в районе железнодорожной станции Езерище проводились занятия по заражению и дегазации местности, в том числе и деревень. Да, места там малонаселенные, людей в этих деревнях проживало немного, но сам факт очень и очень настораживал.

9 сентября 1943 года разведкой партизанской бригады Дьяченко, действовавшей в Южно-Припятской зоне Беларуси, были перехвачены записи бургомис-

тров Пестрякова и Белопурова, из которых был сделан вывод о готовящемся химическом нападении на бригаду.

Секретарь Бегомльского подпольного райкома партии С.С. Манкович и командир партизанской бригады «Железняк» чуть позднее сообщали о том, что «27 октября 1943 г. над четырьмя деревнями Бегомльского района немцы разбросали порошкообразные отравляющие вещества... Здесь наблюдается массовое отравление скота и заболевание местного населения».

Напрашивается вполне естественный вопрос, почему немцы не применяли химическое оружие против партизан, хотя технически такая возможность, по крайней мере в 1943 году, у них имелась?

На мой взгляд, причины здесь отчасти те же, что и у «Операции 1005» по лихорадочному сокрытию следов нацистских преступлений, которая проводилась на всей оккупированной территории БССР, особенно после освобождения Гомеля. Фронт неотвратимо приближался, палачи все сильнее ощущали неизбежность расплаты за геноцид, и устилать леса трупами вовсе не было в их интересах.

И, конечно, сдерживающей силой была химическая мощь Красной армии, основы которой заложили в конце 1920-х – начале 1930-х годов сами немцы.

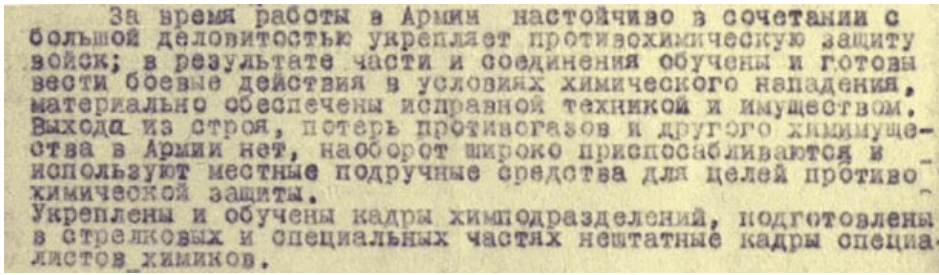
«Око за око, газ за газ» – метафорическая формула Станислава Кулинка, которую я вынесла в заголовок. Она с абсолютной точностью отражает самую суть того, что происходило с химическим оружием на этом этапе войны. Обе стороны боялись, и именно сила страха удерживала немцев от безумных шагов и чудовищных преступлений.

Спасительная сила

13 августа 1941 года советским командованием был издан приказ «О реорганизации войск химической защиты Красной армии», по которому вся химзащита СССР переводилась на военные рельсы.

Перед лицом реальной угрозы развязывания вермахтом химической войны Верховное Главнокомандование потребовало «надежно организовать химическую защиту всех войск и привести в надлежащее состояние находящиеся в войсках средства защиты, дегазации химической разведки и наблюдения. Беспечность и недооценку химической опасности пресекать самыми суровыми мерами».

Красная армия укрепляла химическую защиту по всем направлениям фронтов, не только по центру.



Фрагмент наградного листа
с описанием деятельности химзащиты.
1943 год

29 марта 1942 года в личном секретном послании Черчиллю Сталин писал: «По нашим данным, не только немцы, но и финны могут начать применение ядовитых газов против СССР...»

Это письмо объясняет для меня, почему 26-я армия, имевшая в своем составе химические подразделения, которыми руководил мой дед, вплоть до декабря 1944 года была дислоцирована в Карелии в районе Кеми и лишь затем была передислоцирована на 3-й Украинский фронт. В составе этих подразделений были производственные мощности по монтажу и ремонту противогазов, где работала моя бабушка и мой дядя, который в то время был 15-летним подростком.

Но руководство СССР рассчитывало не только на собственные силы.

В уже упомянутом послании к Черчиллю Сталин писал: «Советское правительство было бы весьма благодарно, если бы Британское правительство могло помочь получить в Англии некоторые недостающие химические средства обороны, а также средства ответного химического удара, имея в виду возможность химического нападения Германии на СССР. Если с Вашей стороны не будет возражений, я бы мог в ближайшее же время направить в Англию специальное лицо по этому делу».

В другом послании к Черчиллю в конце апреля 1943 года И.В. Сталин писал: «...я всецело поддерживаю Ваше предложение, чтобы Вы выступили с предупреждением Гитлеру и его союзникам и пригрозили бы им мощным химическим нападением в случае их газового нападения на нашем фронте».

Но Великобритания и США вряд ли поддерживали бы Советский Союз в его возможной химической войне против Германии, если бы СССР сам не озаботился своей химической безопасностью.

Рассекреченных документов на этот счет крайне мало, официально нет даже информации о том, что в составе той же 26-й армии были химические подразделения.

«По нашим данным, не только немцы, но и финны могут начать применение ядовитых газов против СССР...»

Но в наградных листах моего деда раз за разом пишется одно и то же: «Укреплены и обучены кадры химподразделений, подготовлены в стрелковых и специальных частях нештатные кадры специалистов химиков».

А значит, Красная армия была готова к любому развитию событий, и это наверняка останавливало агрессора в его стремлении опробовать современное химоружие на деле.

Точно так же и сейчас силы ядерного и химического сдерживания отрезвляют агрессоров, стремящихся к господству над миром. И в этом величайший урок Великой Отечественной, который нам надо усвоить раз и навсегда.

Юлия АНДРЕЕВА

Фото из фондов Национального архива Республики Беларусь, личного архива автора и открытых источников